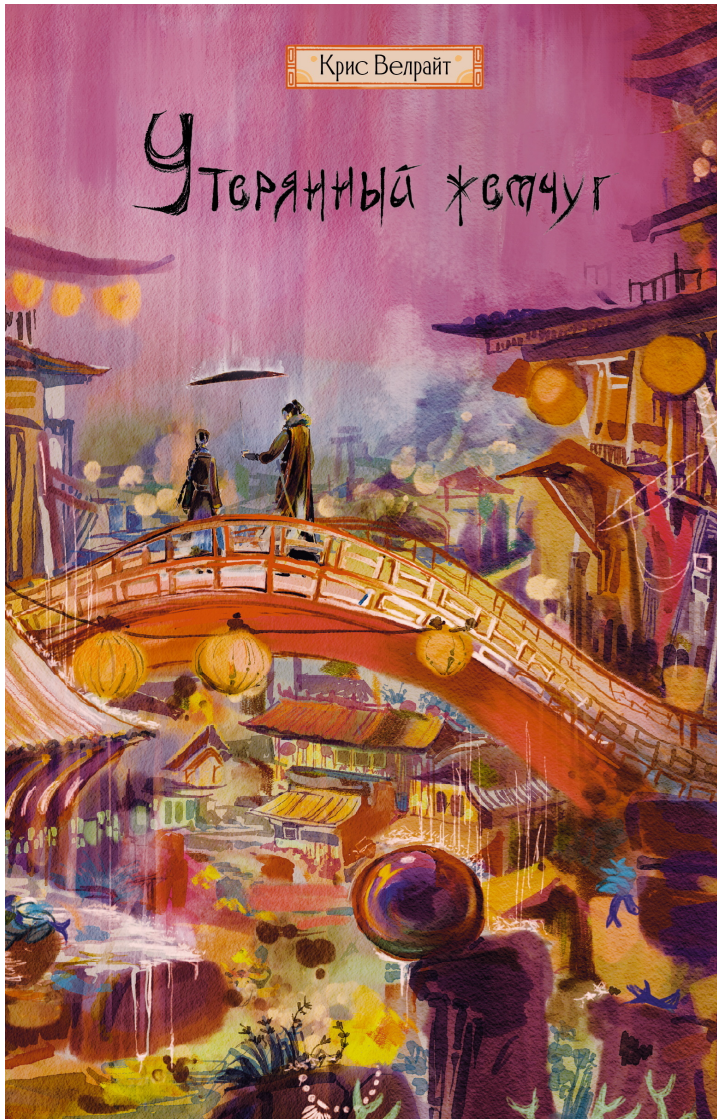

Крис Велрайт

Утерянный жемчуг

Крис Велрайт
Утерянный жемчуг
Серия «Мотивы далекой Азии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73946637

Утерянный жемчуг: [роман] / Крис Велрайт: АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-185705-9

Аннотация

Мэйлинь выросла в бедной провинции среди ловцов жемчуга, но судьба уносит её в богатую Синтору, место интриг, опасностей и скрытых чувств.

Когда девушка становится свидетельницей жуткого преступления, её жизнь оказывается под угрозой.

Следователь Лиджу предлагает ей лишь два пути: доказать свою невиновность или признать вину.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвертая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Крис Велрайт

Утерянный жемчуг

Серия «Мотивы далекой Азии»

Иллюстрация и дизайн обложки – *Alabris*

© Велрайт К., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава первая

Было очень рано. Зарождающийся на горизонте свет с трудом освещал кухню сквозь небольшие окна, но Мэйлинь знала это помещение так хорошо, что могла ориентироваться здесь даже в кромешной темноте.

Сегодня она пришла первой. С тех пор, как ее семья покинула родные края и перебралась в Синтору, ей плохо спалось, но, когда все же удавалось заснуть, во снах Мэйлинь часто видела близкое сердцу море: оно успокаивало своим шумом. Волны накатывали на берег, то выбрасывая камни, то вновь утягивая их обратно. Крупная галька терлась плоскими боками друг о друга, поблескивая в лучах яркого солнца, и тоска по дому становилась менее мучительной. Но сегодня море во снах было охвачено штормом: таким неистовым и грозным, что Мэйлинь проснулась с чувством тяжести в груди. Понимая, что ей уже не уснуть, она собралась и отправилась на работу.

Подол юбки зашуршал, нарушая тишину на кухне. Мэйлинь присела возле печи, взяла немного соломы, закинула ее к аккуратно положенным в устье поленьям и высекла огонь, поджигая сухую траву. Пламя тут же осветило ее лицо.

В родном доме, в провинции Сэя, не было такой роскошной и удобной для приготовления пищи печки.

Сэя была небогатой областью, промышленяющей торговлей

рыбой, выращиванием простых культур и продажей рабов. И семья Мэйлинь жила бедно, как и сотни других сэянцев, занимаясь морским промыслом: отец с братом ловили рыбу, а Мэйлинь с матерью были ныряльщицами за губками, моллюсками, ракушками и, если повезет, жемчугом. По закону провинции море и все, что в нем находилось, принадлежало правителю Сэи, поэтому с продажи любого улова платились налоги, а найденные сокровища, жемчуг и особо ценные раковины следовало отдавать местному главе поселения. Вот и выходило, что заработать получалось лишь продажей рыбы, моллюсков и губок – чего и так у каждого жителя Сэи было предостаточно, поэтому цена на них была ничтожная, а после уплаты налогов и вовсе крохотная. Когда Мэйлинь приехала в Синтору, которая не имела выхода к морю, и увидела, сколько тут стоит морская рыба, она поняла, как сильно их обманывали торговцы, скупающие у сэянцев улов.

Еще одним огорчением для Мэйлинь стало отношение синторцев к таким, как она. Многие жители считали сэянцев грязным и неотесанным народом, а слыша сэянский акцент, недовольно цокали или вовсе отворачивались. Пусть за пять лет пребывания в Синторе Мэйлинь освоила местный язык лучше и быстрее своих родителей, все равно никак не могла полностью избавиться от грубых шипящих звуков в словах. Поэтому ее не допускали обслуживать гостей второго этажа, чтобы не портить им настроение. Ведь о таких постояльцах ходили слухи, что среди них иногда встречались высокород-

ные, которые по разным причинам скрывали свои имена и тайно останавливались в этой части города. Кто знает, чей гнев может обрушиться на хозяйку гостиницы только за то, что ее слуга произнесет приветствие с акцентом «грязного» народа.

Полено треснуло под натиском огня в печи, и Мэйлинь потянулась за котелком, который уже наполнила водой. Повесив его, она встала и подошла к полкам, чтобы найти сверток с чаем. В гостинице, куда ее взяли на работу пять лет назад, было принято по утрам разносить гостям чай. Для Мэйлинь это до сих пор казалось жутким расточительством. Она привыкла после пробуждения пить простую воду: теплую – чтобы согреться зимой, и охлажденную – чтобы освежиться летом.

– Как замечательно, что ты уже здесь.

На кухню вошла Бию. Она имела должность повыше среди слуг. Ей позволялось обслуживать гостей второго этажа. Там размещали тех, у кого было много денег и связей, в то время как на первом чаще всего останавливались торговцы средней руки, менялы или путешественники, готовые заплатить за хорошую кровать и еду, но не желающие слишком растрачиваться на прочие удобства.

– Я вчера обожгла руку, – Бию скривилась, прижимая ладонью перебинтованную кисть. – Можешь мне помочь?

Мэйлинь часто видела Бию на кухне, когда помогала кухаркам или забирала заказы для подачи их гостям в главном

зале, но никогда не общалась с ней близко и мало что знала о ее жизни. Тем не менее, они были в одной лодке.

– Что мне сделать?

– Боюсь, что не смогу донести поднос с чаем, не расплескав. Можешь отнести за меня?

– Не думаю, что это хорошая идея, – Мэйлинь бросила чайные листья в закипевшую воду, – я – сзянка.

– Не переживай, – улыбнулась Бию, – там не надо много разговаривать. Поклонись и молча поставь поднос на стол. Знатные господа по утрам пребывают в скверном расположении духа и предпочитают тишину. Выручи, пожалуйста, меня, я обязательно тебя отблагодарю.

Бию начала быстро собирать на поднос все необходимое для утреннего чаепития: красивые фарфоровые пиалы, сладкое печенье на украшенной цветами блюдечке, чайник и вазу с веточкой цветущей сливы.

Мэйлинь молча кивнула. В конце концов, ее отец всегда говорил, что случайные события могут стать судьбоносными и не стоит так легко разбрасываться выпавшим шансом. Вдруг и в самом деле Бию однажды поможет ей наконец заполучить место на кухне. Тогда ей больше не придется носиться по всей гостинице, обслуживая посетителей. Мэйлинь всегда нравилось готовить, но ей позволяли только чистку овощей и мытье посуды. Все потому, что у нее не было должного образования, а то, что она умела готовить, не подходило для желудков синторцев.

– Вот, – Бию отдала ей поднос, – второй этаж, третья дверь слева от лестницы. Постучи, тихо войди и поставь на стол. Не глазей на гостя, не задавай вопросов, ничему не удивляйся и ничего не трогай. Все просто! Она улыбнулась и легонько подтолкнула Мэйлинь к выходу из кухни.

Мэйлинь прошла мимо стойки, на которую ставили вынесенные с кухни заказы. Она бросила короткий взгляд на свое отражение в медном сосуде, чтобы убедиться, что прическа не растрепалась, а на лице нет сажи или иной грязи.

Чтобы попасть на второй этаж, необходимо было пройти через центральную трапезную. Вечерами тут собиралось много народу, чтобы выпить, поесть, послушать музыку или полюбоваться танцовщицами. Сейчас же зал пустовал, если не считать одной из служанок, приводящей в порядок столы к приходу гостей, и двух посетителей. Один из них – торговец бусами и кольцами – завсегдатай, который приходил сюда утром, чтобы выпить бодрящего крепкого чая, так как вечерами любил покутить, а утром не мог собрать свои мысли, чтобы сложить их в предложение, что для его профессии было непозволительно. Второго посетителя Мэйлинь не знала. Она лишь на мгновение взглянула на него и поразились белизне и красоте его лица. Черные брови, молочного цвета кожа и идеальной формы губы. Если бы не его тяжелый взгляд, то она могла бы надолго залюбоваться, забыв о своей работе.

«Везет же знатным и богатым девушкам. Им достаются

красивые мужчины, в то время как простушкам повезет, если не выдадут за старика. Небось он еще и богатый, а может, даже знатный».

Свой наряд посетитель прятал под плащом, не позволяя оценить его стоимость, но у Мэйлинь, как у многих девушек, был цепкий взгляд, и она сразу заметила, что на ногах юноши красовались узорно вышитые матерчатые сапоги.

Распрощавшись с несбыточными мечтами о том, как прекрасно, должно быть, когда за тобой ухаживает такой красавец, Мэйлинь поднялась на второй этаж. Она отсчитала третью дверь, как сказала ей Бию, вдохнула, проверила, прямо ли держит спину, убедилась, что ее лицо спокойно, и постучала в комнату. Никто не ответил, поэтому, постояв какое-то время, она аккуратно приоткрыла дверь и тихонько зашла внутрь.

В комнате было довольно темно, и Мэйлинь подождала несколько секунд, пока глаза привыкнут, стараясь не морщиться от неприятного аромата. На полу находился странной формы ковер, и Мэйлинь наступила на него, чтобы заглушить свои шаги. Но вместо этого раздался неприятный хлюпающий звук, словно она по весне угодила в грязевую лужу. Вероятно, это было не до конца засохшее пятно разлитого вина. Но почему оно такое большое? Мэйлинь оторвала взгляд от своего испачканного тапочка и оглянулась по сторонам.

На кровати лежал мужчина: ткань балдахина прикрывало

его лицо, но тело хорошо просматривалось даже в полумраке. Оно было облито тем же вином, которое, капля за каплей, стекало на пол. Прошла минута, прежде чем Мэйлинь поняла, что это была лужа... нет, даже целый океан крови.

Мэйлинь выронила поднос, прижав ко рту ладонь, чтобы заглушить вырвавшийся крик. Осознание того, что она сейчас увидела, нахлынуло, подобно той штормовой волне, которую она увидела сегодня во сне. Ее тело покачнулось, а мир померк.

Глава вторая

Отец еще утром говорил о том, что бог моря пошлет сильные ветра, которые поднимут высокие волны. Он почувствовал это, когда вышел в предрассветный час из дома, торопя Мэйлинь и ее мать. Они упаковали все свои скромные пожитки в два рогожных мешка. Родители не хотели оставлять ничего, боясь, что на новом месте не сразу получится найти работу. Поэтому даже спальные циновки мать обмотала толстыми шнурами и велела закинуть за спину.

Несмотря на предчувствие отца, которое никогда не подводило старого рыбака, у них не было другого выбора, кроме как сесть в лодку. Юноша, который устроился за веслами, сильно нервничал и шепотом проклинал богов, которые вынудили его заниматься такой работой – незаконно перевозить беглецов из одной провинции в другую.

Как только они преодолели половину пути до скрытой за высокими холмами бухты, их настиг шторм. Мэйлинь крепко схватилась за борт лодки. Она видела перепуганную мать, цеплявшуюся одной рукой за мешки, а второй – за отца, слышала обрывки ругани юноши. Он кричал, что их скраб потопит эту дырявую посудину, и чтобы они немедленно выкинули эти никчемные вещи, которые нажили с таким трудом. Пара кувшинов, сделанных из тыквы, штаны, юбки и прохудившиеся рубахи.

Волны становились все выше, ветер все сильнее, а голос юноши все злее. Вся одежда пропиталась солью, а веревка с привязанной к ней ракушкой на шее Мэйлинь намочила. Это украшение носили все ныряльщики. Только спокойное лицо отца придавало Мэйлинь мужества и сил, чтобы не разрыдаться среди этого дикого кошмара.

Огромная, черная, покрытая белой пеной волна вздыбилась по левому краю и рухнула у самого борта лодки. Соленая, холодная вода обожгла кожу и Мэйлинь зажмурила глаза, задержав дыхание. Когда она распахнула их вновь, перед ней стоял тот самый гость, которого она видела утром в трапезной.

– Пришла в себя, наконец? – Мужчина скрестил руки на груди, в одной из которых он держал меч, убранный в ножны. – Добавь-ка еще.

Перепуганная Бию зачерпнула ковшом из ведра воду и хотела было вновь плеснуть ее в лицо Мэйлинь.

– Не надо, – Мэйлинь сказала это неожиданно громко, отчего мужчина изогнул бровь, поразившись ее командному голосу. Она больше не находилась в той жуткой комнате. Вероятно, когда ее нашли, то перенесли в другое помещение для допроса. – Я в порядке, господин...?

– Господин Лиджу. – Он упер ножны в плечо Мэйлинь, не позволяя ей подняться со стула. – Не торопись. Сначала ты ответишь на все мои вопросы и только после этого, возможно, выйдешь из этой комнаты самостоятельно.

Мэйлинь замерла и, заметив за его спиной хозяйку гостиницы, тетушку Ицин, вопросительно на нее посмотрела.

– Этот господин – капитан Ведомства Безопасности. – Голос тетушки Ицин всегда был жестким и спокойным, но сейчас Мэйлинь слышала в нем волнение. – Ты стала свидетельницей преступления, и господин незамедлительно прибыл сюда, чтобы разобраться с произошедшим убийством.

Несмотря на то, что при господине был меч, на нем не было формы Ведомства Безопасности. Он выглядел, скорее, как ученый высокого ранга или сын из богатой семьи.

«Что он тут делал с самого утра и как раз в тот день, когда все произошло?» – подумала Мэйлинь, недоверчиво сощурив глаза. Раньше она никогда не видела его в числе посетителей гостиницы.

– Хозяйка сказала, что ты работаешь тут пять лет. – Господин Лиджу скрестил руки за спиной. Его тяжелый взгляд было непросто вынести, но Мэйлинь боялась, что если отведет глаза, то тот решит, что она в чем-то виновата. – Как давно ты обслуживаешь номера на втором этаже?

– Она этим не занимается, – ответила за нее хозяйка. – Я еще сама не разобралась, как так получилось, но Мэйлинь прикреплена только к первому этажу.

– Это поэтому, когда мы нашли ее в номере рядом с трупом господина, служанка Бию сказала, что не знает, кто эта девушка? – Господин Лиджу скривил губы в неприятной улыбке, в то время как пораженная услышанным Мэйлинь в

недоумении уставилась на Бию.

– Я лично нанимала Мэйлинь пять лет назад. – На лице хозяйки не дрогнул ни один мускул. – У служанки Бию просто помутился рассудок от увиденного.

– Возможно, и так, а возможно, кто-то из вас лжет. – Ситуация начала приобретать совсем уж скверный оборот. Мэйлинь стала догадываться, что капитан, как и многие законники, просто хочет побыстрее найти виновного и закрыть это дело. Все очарование и красота этого господина, которые она увидела сегодня утром, растворились, как дым.

– Всем выйти из комнаты и ждать моего решения в трапезной. Пока я нахожусь здесь, никто не имеет права покидать гостиницу. Тот, кто ослушается, будет немедленно признан соучастником убийства.

Мэйлинь прибыла в Синтору незаконно и понимала, как поступают с такими людьми. Поэтому она испугалась, когда все вышли из помещения, оставив ее наедине с господином. Второй причиной для волнения было то, что он – мужчина. Конечно, он не станет нападать на нее и насиловать, но вот слухи могут поползти разные. Третьей причиной для беспокойства было то, что она сзянка. На бесправных иноземцев легко повесить преступление. Пусть сзянцы и держались друг друга на чужбине, но особой власти в обществе Синторы у них не было.

Господин Лиджу подошел к ней и склонился, внимательно заглянув в глаза. Сердце Мэйлинь заколотилось, но она

выдержала этот взгляд. Его бледные тонкие пальцы коснулись грубого шнура на ее шее, потянули за него – и из-под ворота серого жакета появилась белая ракушка.

– Ты сзянка? – не то брезгливо, не то пораженно спросил капитан.

– Да, господин, – прошептала Мэйлинь и неосознанно прислонила ладонь к горлу, вообразив, как палач накидывает на ее шею петлю.

Карие, почти черные глаза инспектора зажглись недобрым огнем. После чего он наконец отстранился, и Мэйлинь тихо вздохнула, словно только что избежала укуса змеи.

– Расскажи мне все, как было и не смей врать – я сразу это пойму.

Мэйлинь принялась сбивчиво перечислять все действия, которые успела совершить за это утро до обнаружения убитого мужчины. Все это время капитан ведомства сидел на кушетке, стоящей у двери, будто предполагал, что Мэйлинь попытается убежать. Ей казалось, что он не только ни разу не отвел от нее глаз, но даже и не моргнул, будто богомол, что расселся на береговом валуне. В детстве эти насекомые виделись забавными. Они замирали и могли часами смотреть своими выпуклыми зелеными глазками на то, как она перебирает рыбу. Сейчас же Мэйлинь ощущала себя глупой мухой, которая не додумалась вовремя улететь подальше от этого жуткого хищника.

– Почему ты пришла сегодня раньше обычного? Значит

ли это, что тебя никто не видел до часа жаворонка?

Неразумная муха подползла к богомолу слишком близко, дав ему шанс на хороший бросок. Мэйлинь отругала себя мысленно, что упомянула о такой детали.

– Да, господин. Но меня видели торговцы у входа в гостиницу, и они могут подтвердить, в каком часу я пришла, – тут же сообразила она. – Я бы просто не успела так быстро все это совершить. К тому же, чтобы пройти из кухни на второй этаж, надо преодолеть трапезную, а так как там сидели вы, то я бы не осталась незамеченной.

– Я сам решу, что возможно, а что нет, – резко прервал ее господин. – Меня не было в трапезной, ты ошиблась. Он сдвинул брови, и Мэйлинь коротко кивнула:

– Я поняла вас, господин. Утром в трапезной был только торговец.

Возможно, он пришел в эту гостиницу по личным делам и сам оказался случайно втянут во все произошедшее. Мэйлинь не знала, почему он хочет, чтобы его присутствие утром в трапезной было забыто, но предпочла согласиться с его утверждением. Спорить с законниками – последнее, на что стоит решаться чужеземцу в этой провинции.

– Мы поступим следующим образом. – Он поднялся и жестом указал ей сделать тоже самое. – Прежде, чем ты выйдешь за эту дверь, я дам тебе два выбора: ты либо признаешься в соучастии в убийстве господина, – Мэйлинь побледнела и сжала кулаки от злости, – либо ты помогаешь мне

разобраться с этим делом. Думаю, что ты выберешь второе. Ты же не хочешь, чтобы тебя казнили, а твою семью посадили в тюрьму.

– При чем тут семья? – Он явно наслаждался собственной властью и бессилием Мэйлинь.

– Вы – сэянцы, а значит, наверняка прибыли в столицу, не имея на то прав. И уж точно занимаетесь тут чем попало: например, торгуете непроверенными лекарствами, насылаете на честных людей проклятия и болезни с помощью странных ритуалов, воруете, занимаетесь проституцией или даже связаны с торговцами тина.

Мэйлинь позабыла, кто перед ней: ее охватил гнев. Она шагнула вперед, подойдя к капитану на непозволительное для простолюдинки расстояние:

– Тот, кто никогда не ощущал ни в чем нужды, легко осуждает человека за то, что он готов совершить любые поступки, чтобы спасти себя и свою семью. Не все бедняки занимаются тем, о чем вы сказали. Мои мать и отец воспитали меня достойным образом, и поэтому я не могу промолчать, слыша, что вы считаете, будто я способна заниматься воровством или чем-то постыдным – это бросает тень на моих родителей. Да, я не родилась в Синторе, не хожу в шелках и не имею хорошую родословную, но я бы никогда не убила другого человека. Вам не удастся меня в этом обвинить.

Она отошла в сторону, коротко поклонилась и направилась к выходу, не дожидаясь разрешения покинуть комнату.

Слова господина задели ее сильнее любых нелестных выражений, что она часто слышала от других жителей Синторы. Может, потому что он был очень красивым мужчиной и стоял здесь, словно бог, спустившийся с небес, такой же далекий от всего мирского. От этих мыслей ей еще сильнее захотелось с ним распрощаться. Но как только Мэйлинь потянула на себя ручку двери, рука капитана тут же захлопнула ее обратно. Он стоял позади «глупой мухи», что позабыла свое место. Мэйлинь боялась повернуться к нему лицом, чувствуя, как храбрость покидает ее.

– Ты сделаешь так, как я говорю, иначе и часа не пройдет, как твои родители окажутся такими же преступниками, как и ты. – Его дыхание опалило щеку Мэйлинь, и она зажмурилась, будто надеясь, что господин растворится, как пропадают с первыми лучами ночные кошмары. – Советую прибегнуть к дерзости для момента, когда будешь смотреть, как твоему отцу и твоей матери отрубаят руки за воровство и головы – за торговлю тинном.

Он отошел от Мэйлинь и добавил уже спокойным голосом:

– Ты визнаешь для меня, кто в этой гостинице может быть причастен к убийству. Простолюдины всегда недоговаривают следователям, часто лгут и притворяются, поэтому тебе будет проще выведать информацию. Я уверен, что тот, кто в этом замешан, либо работает здесь, либо имеет тут своих людей. Аккуратно поспрашивай, послушай сплетни и сообщи

потом мне. Приходили ли к этому господину гости, кто приносил ему еду вечером, ходил ли он куда-то и прочие детали. Меня ты сможешь найти в сером доме с красной крышей на Персиковой улице: я буду ждать отчет за каждый прожитый тобой день. Тебе все ясно?

Мэйлинь так и не нашла в себе силы, чтобы развернуться к господину. Это было неуважительно, но ее словно сковало льдом. Она коротко кивнула.

– Тогда ты свободна. Не забудь поблагодарить меня за терпение к твоему отвратительному поведению, неподобающему простолюдинке. Я мог бы только за это приказать наложить на твою семью штраф, а тебя наградить двадцатью ударами палок.

– Благодарю, господин, – прошептала Мэйлинь, боязливо открыв дверь и выскочив из комнаты.

Глава третья

На душе стало чуть легче, когда Мэйлинь вернулась на кухню и увидела улыбку подруги. Суи была очень добрым человеком и к тому же начала здесь работать в то же время, что и Мэйлинь. Они быстро нашли общий язык и постоянно друг другу помогали.

– Я слышала, что произошло. – Суи взволновано подбежала к Мэйлинь и протянула ей чашку горячего чая. Она оглянулась по сторонам и увидев, что никто из других работников на них не смотрит, добавила: – Пей, пока никто не видит. Думаю, что от одной пиалы тут никто не обнищает.

Они отошли в сторону, присев за пышущей жаром печью. Суи подтянула к ним корзину с овощами и принялась очищать лук от кожуры. Впереди был день, полный работы: надо было следить за чистотой на кухне, подготавливать продукты, необходимые поварам для приготовления блюд, стирать простыни, выбивать матрасы, подавать еду и многое другое; то, что делало жизнь постояльцев гостиницы такой приятной и уютной.

Мэйлинь была рада и благодарна богам, что у нее есть такая работа. Когда она прибыла со своей семьей в Синтору, они были похожи на грязных щенков, оторванных от матери. Языка не знали, денег оставалось немного, работу им никто давать не хотел. Мэйлинь тогда приходилось учиться разго-

варивать на странном, звучащем слишком жестко для ее слуха, языке буквально на ходу. Она днями и вечерами бегала по городу, пытаясь найти хоть какое-то дело, за которое могли бы заплатить. Но, как оказалось, Синтора кишела теми, кто нуждался в работе: к тому же, никто не хотел принимать сэянку. Торговцы опасались, что она начнет воровать или продавать что-то, запрещенное в их лавках, а для таких профессий, как носильщики рыбы, рикши или портовые работники, ей просто не хватало сил. А больше ничего она не умела, кроме как продавать, чистить, ловить рыбу, глубоко нырять и надолго задерживать дыхание. Все ее навыки оказались ненужными в столице Синторы. Если бы не умение отца вырезать деревянные игрушки, они бы точно погибли с голоду в первую же зиму.

Поэтому Мэйлинь была так счастлива, когда к ней, чумазой и в потрепанной одежде, на рынке подошла женщина – хозяйка гостиницы – и предложила работу. Как оказалось позднее, она сама была сэянкой и не один день наблюдала, как Мэйлинь продолжала искать способы заработать, не опускаясь до воровства и проституции. Госпожа помогла их семье влиться в круг других сэянцев. Оказалось, что весь город делился на сообщества – это позволяло людям выживать.

В тот день хозяйка привела Мэйлинь в гостиницу, которая показалась ей домом богатых чиновников. Для простой девчонки, дочери рыбака, дом с большими окнами, крепки-

ми каменными стенами и прочными полами виделся настоящим дворцом. Потому что даже в Вите ее семья продолжала жить в жалкой лачуге в самом плохом районе портовой части города.

Хозяйка приказала ей вымыть полы, начистить овощей и загрузить соевые бобы в пресс для изготовления масла. После этого она лично проверила проделанную работу, напоила горячим чаем и озвучила, сколько готова платить за такой труд. Мэйлинь, не раздумывая, согласилась, особенно когда узнала, что работать придется всего-то с раннего утра до позднего вечера. Она была очень благодарна хозяйке и потому сейчас сидела в расстроенных чувствах. Если она подчинится приказу капитана и начнет тут все вынюхивать, то не подставит ли этим госпожу Ицин? К тому же, если ей необходимо узнать, кто был тот гость, потребуется тайно проникнуть в комнату хозяйки и заглянуть в ее книги. От этого на душе стало еще хуже, ведь именно госпожа Ицин научила ее говорить и писать на синторском. И вот как она ей отплатит – неуважительно полезет куда не следует.

– Мэйлинь, – позвала ее Суи, – расскажи, что там случилось. Я слышала, что нашли мертвого мужчину. Но почему именно ты его нашла? С какой стати ты вообще стала обслуживать второй этаж? Тебя повысили, а ты не посчитала нужным поделиться этой новостью с подругой? – Суи хитро прищурилась, улыбнулась и весело добавила: – Зазналась, что ли? А этот молодой служитель закона такой красавец! Буд-

то сошел со страниц любовных романов. Ты ему случаем не приглянулась? А то больно молчаливая сидишь.

Суи вновь обратилась к своим мечтам, как часто любила делать за работой.

– Вот было бы здорово, если бы у тебя все случилось как в «Заледенелой печали». Там тоже простая служанка вдруг понравилась богатому господину. Она поначалу не поверила в искренность его чувств. Оно и понятно: с чего такому, как он, понадобилась простушка? Но когда он спас ее от жадной матери, пожелавшей продать собственную дочь в бордель, тогда их чувства наконец раскрылись.

– Суи, ты такая иногда дурочка, – засмеялась Мэйлинь. – Этот господин не из тех, кто будет тратить свое ценное время на спасение простолюдинок. Да и какой будет жизнь для таких влюбленных? Их не примут родители и не поймут друзья.

– Ой, да сдалось тебе чужое мнение, – раздраженно отмахнулась Суи, – в книге они уехали в другую провинцию и все у них сложилось.

– Это в книге. – Мэйлинь отставила чашку и принялась помогать подруге чистить овощи.

– А все-таки здорово бы было. Тогда эти зазнавшиеся клуши со второго этажа треснули бы от зависти. – Суи бросила короткий взгляд на вошедшую в кухню Бию. – Смотри, как щеки надула. К нам идет, небось сейчас будет командовать, будто ее назначили генералом в королевскую гвардию. Поди,

сама еще лет пять назад капусту мыла.

– Что тебе сказал тот капитан? – резко спросила подошедшая Бию.

Она вертела в пальцах нанизанные на веревку деревянные бусины. Обычно на таких украшениях в Синторе вырезались имена умерших предков и считалось, что если часто их произносить про себя, то духи помогут в делах или личной жизни. Мэйлинь не ответила на вопрос Бию, сосредоточенно продолжая очищать лук, и та вновь обратилась к ней:

– Ты меня слышишь?

– Мы вроде бы с тобой не знакомы, – безразличным голосом отозвалась Мэйлинь. Ее задело, что Бию соврала капитану, из-за чего у него появились лишние подозрения.

– Ты же слышала, что сказала хозяйка! Я была так напугана, что не подумала о последствиях. Любой бы испугался лишши, когда он норовит найти виновника. Такие люди, как он, легко обвиняют бедняков во всех грехах. Ты и сама после разговора с ним бледная, как дайкон.¹

– Он будет искать преступника. – Мэйлинь не умела долго хранить в сердце обиду. К тому же, Бию была права – любой бы испугался и постарался как можно скорее отвести от себя внимание и подозрения человека из Ведомства безопасности. Но все равно теперь Мэйлинь будет осторожнее с этой Бию. – Тебе повезло, что ты обожгла руку.

¹ **Дайкон** – разновидность белой редьки, популярная в кухнях Восточной Азии.

– Да, боги и предки отвели.

Бию сдвинула очередную бусину, словно подтверждая свои слова, и приложила ладонь к перебинтованной кисти.

– Я с самого утра чувствовала, что непременно что-то случится.

Она еще немного постояла. Видя, что Мэйлинь не собирается ничего добавлять, Бию уперла руки в бока и вернулась к командному тону:

– Поторопитесь. У нас сегодня много гостей.

* * *

День пролетел, как одно мгновение. Работы было много, и она не позволяла погружаться в переживания. За окнами гостиницы начало вечереть. Шум торговцев, заполонивших улицы, сменился голосами мужчин и приглушенным смехом ночных бабочек. Гостиница находилась в Нижнем Городе – районе удовольствий и развлечений. Днем это место ничем не выделялось, но вечером зажигались яркие фонари, разносилась веселая музыка, появлялись десятки рикш и портшезов, стекалось множество мужчин, на поясе которых красовались раздутые кошель, привлекающие внимание мелких воришек. Первое время после переезда в Виту Мэйлинь боялась такого количества людей и звуков, но потом стала воспринимать это как шум волн и успокоилась. К тому же для

воров она была не привлекательной целью, а от неприятных похотливых взглядов научилась скрываться, пачкая лицо сажей. Так поступали многие девушки, которые были вынуждены поздно возвращаться домой: чем омерзительнее выглядишь, тем выше шанс добраться невредимой.

Наступала ночная смена тех, кто работал в гостинице. Хозяйка брала на нее самых дерзких, страшных и боевых девушек. Несмотря на то, что ее заведение не допускало в свои стены нищих, плохо выглядящих или бандитов, мужчины все равно оставались мужчинами. Даже одетые в шелка и жемчуга, они могли приставать к работницам. Раньше Мэйлинь казалось, что образование и статус меняют людей, но теперь она точно знала, что если кого-то плохо воспитали, то никакие деньги и родословная не сделают из него человека.

Она сняла с веревок во внутреннем дворе высохшие простыни и отнесла корзину в подсобку, где сидела Суи, которая аккуратно складывала их в стопочки.

– Заступает ночная смена, – послышался голос хозяйки. Она заглядывала во все помещения, чтобы удостовериться, что работники справились со своими задачами и их можно отпускать домой.

Мэйлинь вдруг вспомнила, что так ничего и не узнала для капитана. Она даже не успела обдумать, как собирается это сделать. Стоит ли рассказать хозяйке или, может, вообще ничего не предпринимать и солгать, что ничего не получается выведать? Но что, если он и вправду отправит ее семью в

тюрьму? Если он не найдет виновного, то точно укажет на нее. Ведь капитан человек Ведомства и, если не выполнит свою работу, его могут наказать. Вряд ли суду вообще интересно, кто на самом деле преступник: важнее быстро закрыть дело, чтобы не пошли слухи, будто нет никакой пользы от Ведомства. Да и весенние праздники уже на носу. Ведомство должно показать правителю, что город готов к шумному торжеству, а для этого не должно быть нераскрытых убийств: тем более, богатых горожан. А в том, что тот убитый мужчина явно не был простым человеком, Мэйлинь не сомневалась. Она помнила, как переливался шелк, впитывая кровь.

– Суи, – Мэйлинь закончила свою работу и присела рядом с подругой, чтобы помочь той быстрее управится с простынями, – как думаешь, кем был тот мужчина? Ты не спрашивала об этом у Жуяна?

Жуян служил в гостинице охранником у центрального входа. Он уже второй год ухаживал за Суи, но дальше их отношения не развивались. Мэйлинь неоднократно говорила подруге, что он вертихвост и просто тешит самолюбие, разкрадет у девушки ее ценные годы на простое ухаживание. Любой другой уважаемый мужчина давно бы сделал предложение. Но Суи всегда смеялась на ее слова и отмахивалась. Говорила, что он молод, откуда у него деньги на свадьбу? Родители Суи хотели, чтобы их дочь вышла замуж, как того требовали традиции: они давно уже собрали ей приданое и не намеревались отдавать какому-нибудь проходимцу с дву-

мя медяками в суме.

– Могу спросить, если тебе интересно, – ответила Суи, – но вообще мы на встречах обычно говорим о других вещах. Она прищурилась и хитро улыбнулась. Мэйлинь нахмурилась, как поступают пожилые женщины, заслышав подобное.

– Все-то он голову тебе забивает глупостями. Ну вот сколько можно читать стихи под луной? Он, наверное, уже всех поэтов по пятому кругу процитировал.

– Он плохо умеет читать и потому сам их пишет для меня, – восторженно оправдала своего возлюбленного Суи.

– Лучше бы деньги зарабатывал, рифмоплет. Все другие мужчины ради семьи по ночам в порту груз таскают. Если бы он год так поработал, то и на свадьбу бы скопил.

– Ты прям как моя мать! То-то вы друг другу так нравитесь, она меня вечно потом пилит, что ты с умом в голове, а я с каштанами. Говорит, что когда смотрит на меня и на мои поступки, то слышит, как они стучат друг о дружку. – Суи в подтверждении своих слов замотала головой и выбила дробь пальцами о деревянный пол.

Девушки засмеялись, после чего поднялись, закрыли подсобку и направились к выходу из гостиницы. Перед тем, как разойтись в разные стороны, они обнялись и пожелали друг другу доброй дороги.

– Суи, – на прощание поинтересовалась Мэйлинь, – ты не будешь против, если я сама у Жуяна спрошу о том госте?

– Конечно, спрашивай! – Суи чуть замялась, расправляя

подол юбки. – Может, заодно намекнешь ему на наше будущее?

Мэйлинь тепло улыбнулась и кивнула. Пусть Суи и была немного ветреной, но любая девушка понимала, что время скоротечно, а без мужа после смерти родителей ей будет совсем тяжело в этом мире.

Глава четвертая

Перед тем, как распрощаться у ворот гостиницы, Мэйлин и Суи какое-то время смеялись, намазывая лица друга друга сажей из печи. Хозяйка, которая заглянула на кухню, неодобрительно цокнула языком, но девушки знали, что так она проявляла наигранное неудовольствие, свойственное всем взрослым. Госпожа Ицин сама обучила их этому способу стать невидимыми для алчных и недобрых взглядов. Поэтому сейчас, когда Мэйлин шла по вечерним улицам, единственным, кого ей стоило опасаться, это таких же простых работяг, как она сама. Подобные мужчины могли позволить себе только очень дешевых проституток, и то если повезет. Поэтому всегда был риск, что кто-то недобрый сердцем и темный на помыслы может начать приставать даже к самой жуткой замарашке. Тогда могло спасти только то, что ты принадлежишь к какому-нибудь сообществу. Например, рядом окажется сэянец, который вступится за тебя. Никто не пожелает ввязаться в ссору с целой общиной. Но несмотря на это, Мэйлин все равно шла быстро и держала голову склоненной, пряча лицо и стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Бывали случаи, от которых не спасало ничего: когда мужчины не только насиловали, но и убивали, что давало им шанс избежать наказания. Ведь если жертва мертва, то кто пожалуется?

Ноги сами привели ее к дому, о котором рассказывал господин Лиджу. Она остановилась напротив, внимательно разглядывая аккуратный порог и прочные каменные стены. Почему он приказал ей отчитываться перед ним здесь, а не в Ведомстве Безопасности? Чтобы никто не узнал, что она на него работает, или ему просто стыдно иметь дело с такой, как Мэйлинь? Стоит ли ей сейчас зайти к нему и солгать, что ничего не смогла выяснить? А если он догадается, что она врет? Или, может, он и вовсе уже позабыл о ней и сам нашел преступника? Бывает же, что, когда шторм стихает, улов становится лучше прежнего, так, может, и господин Лиджу успокоился, все обдумал и сам справился с задачей?

Мэйлинь так и не нашла в себе сил, чтобы подойти к дому. И когда ей показалось, что кто-то на втором этаже чуть приоткрыл занавески, она быстро развернулась и решила, что сделает это завтра.

– Вряд ли там сейчас кто-нибудь есть, – она успокаивала и обманывала себя. – Это просто ветер из приоткрытого окна пошевелил легкую ткань. Скорее всего, господин Лиджу еще не пришел со службы. Свет горел только в пристройке для слуг. Значит, господина, скорее всего, нет дома. Если он станет упрекать ее за то, что она не явилась с отчетом, она скажет, что пришла поздно и ей просто не открыли.

Остаток пути до дома пролегал по самым жутким улицам бедного квартала. Но Мэйлинь повезло, и она удачно припнулась к знакомому соседу, который тащил на плечах ме-

шок с собранными за чертой города хворостом и корой для розжига. Его сын лет девяти шагал впереди, освещая дорогу факелом. В Портовом районе не было фонарей, вдоль дорог не росли раскидистые сливы, а под ногами – только грязь. Мэйлинь подвязала край юбки узлом, чтобы подол не волочился по земле. Жаль, что помочь обуви она никак не могла. В сухую погоду башмачки заметало серой пылью, а вот в дождливую приходилось проявлять ловкость, чтобы не утонуть по щиколотку в чавкающей грязи. В такие дни она останавливалась у моста, что вел в квартал Верхнего города, и отмывала обувь: ведь в богатом районе на нее бы смотрели с отвращением, появившись она в башмачках, облепленных глиной и комьями земли. А так как каждый торговец сам убирал территорию рядом со своими лавками, то ее легко могли прогнать с дороги метлой, как шелудивого пса. Поэтому Мэйлинь, как и десятки других девушек, спешащих на работу в другую часть города, носила с собой щеточку из козьей шерсти – самый дорогой и ценный подарок, который ей сделал отец.

Сосед и его сын шли молча, Мэйлинь держалась чуть поодаль. Разговаривать и приближаться даже к знакомому мужчине у сэянцев считалось распущенностью. Взгляды синторцев были более вольными, да и жизнь в городе вынуждала девушек вступать в контакты с мужчинами, но сэянцы все равно держались за свои обычаи, как за последнее, что связывало их с родиной. Поэтому они даже нашли оправ-

дание, почему, несмотря на столь строгие взгляды, их женщины вынуждены работать наравне с мужчинами, ведя себя недостойным образом. Все дело в том, что, когда семья была в нужде, боги и духи предков прощали женщинам их отступления от правил, но в кругу семьи и знакомых они обязаны были вести себя, как полагалось сэянкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.